

Надежда Чародейская

ОЗВУЧЬ МНЕ
любовь

18+

Голоса

Надежда Чародейская

Озвучь мне любовь

«Автор»

2026

Чародейская Н.

Озвучь мне любовь / Н. Чародейская — «Автор»,
2026 — (Голоса)

Меня зовут Кира Соловьёва, и я — голос, которым плачут и любят герои чужих романов. Лучшая чтица аудиокниг страны, между прочим. Три года я озвучиваю бестселлеры Евы Морозовой — самой загадочной звезды любовного романа. Миллионные тиражи, фан-клубы — и ни одной фотографии. Никто не знает, кто она. А теперь у проекта новый редактор: Марк Багрянцев. Высокомерный сноб, который считает любовные романы «жвачкой для мозга», а мои интонации — «избыточными». Мы возненавидели друг друга со второй минуты знакомства — с той самой, когда он отобрал у меня кофе. Одна проблема. Я случайно узнала, кто на самом деле скрывается под именем Евы Морозовой. Теперь мне предстоит каждый день читать вслух самые откровенные сцены, которые «Ева» когда-либо писала, — глядя ему в глаза через студийное стекло. Молчать, когда за тайной охотится блогер-разоблачитель с двухмиллионной аудиторией. И не влюбиться. Хотя с последним пунктом я уже опоздала. Посмотрим, кто сломается первым — автор или голос.

© Чародейская Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Серия «Голоса». Книга первая	5
Пролог	5
Глава 1. Не сошлись интонациями	6
Глава 2. Правило номер один	8
Глава 3. Метаданные и валерьянка	10
Глава 4. Женщина, которой нет	12
Глава 5. Перегруз по входу	14
Глава 6. Ночная смена	16
Глава 7. Стёртая ночь	18
Глава 8. Проверка связи	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Надежда Чародейская

Озвучь мне любовь

Серия «Голоса». Книга первая

Пролог

Есть вещи, которые нельзя делать на голодный желудок: ходить в супермаркет, отвечать бывшему и озвучивать сцену страсти в дамском романе.

Я нарушила все три пункта за один день.

— «Его пальцы скользнули по её ключице, и Алина поняла: пути назад нет», — прочитала я в микрофон и услышала, как мой живот отозвался урчанием такой глубины, что позавидовал бы любой драматический баритон.

За стеклом аппаратной Лика сползла под пульт от смеха.

— Кир, — прохрипела она в талбэк, — оставляем. Это лучший дубль за день. Очень... чувственно.

— Это был мой желудок, а не чувственность.

— А кто разберёт? У Евы Морозовой всё равно все героини вечно «издают низкий гор-тан-ный звук».

Вот вам правда о моей профессии, которой нет на красивых картинках: я — голос чужой любви. Шесть часов в день я стою в комнате размером со шкаф, обитой поролоном, и вслух проживаю то, чего в моей жизни не было примерно никогда. Страсть на капоте бентли? Читала. Поцелуй под дождём в Лиссабоне? Дважды. Собственное свидание? Не в этом квартале.

Меня зовут Кира Соловьёва. Если вы слушали хоть один роман Евы Морозовой — вы слышали, как я дышу.

Ева Морозова — это, чтобы вы понимали, не просто автор. Это явление природы. Три года подряд — первая строчка всех рейтингов. Полтора миллиона проданных копий. Фан-клубы, теории, мерч с цитатами. И ни одной фотографии. Ни одного интервью. Никто — вообще никто — не знает, кто она.

Я тогда тоже не знала.

Господи, какая же я была счастливая.

Глава 1. Не сошлись интонациями

Кира

Понедельник начался с того, что у меня отобрали кофе.

Не в переносном смысле. В буквальном: я вошла в студию «Голос&Город» со стаканом капучино, и незнакомая рука в белой рубашке изъехала его из моих пальцев на подлёте к аппаратной.

— В студии с напитками нельзя.

Я подняла глаза. Потом ещё немного подняла — рост у обладателя рубашки был издательский. Тёмные волосы, серые глаза цвета нелётной погоды и выражение лица человека, которому в детстве запретили радоваться, и он решил, что теперь нельзя никому.

— В студии — нельзя, — согласилась я. — А это коридор. В коридоре можно всё. Хотите, покажу устав студии? Я его писала. Маркером. На холодильнике.

— Вы Соловьёва?

— Смотря кто спрашивает.

— Марк Багрянцев. Новый редактор проекта Морозовой. С сегодняшнего дня все записи по «Осколкам нежности» принимаю я.

Где-то в аппаратной тихо охнула Лика. Я почувствовала, как у меня медленно, со скрипом, поднимается бровь — та самая, левая, которую мама называла «предвестником катастрофы».

— А куда делся Аркадий Петрович?

— На пенсию. Издательство сочло, что проекту нужен... — он сделал паузу и посмотрел на меня так, будто я тоже входила в список того, что нужно заменить, — более строгий контроль качества.

— Контроль качества, — повторила я. — Вы сами-то книги Морозовой читали?

— К сожалению.

— Простите?

— Читал. По долгу службы. — Он открыл дверь в аппаратную и пропустил меня вперёд с вежливостью гильотины. — Не переживайте, Кира. Чтобы редактировать жвачку, не обязательно ею восхищаться. Достаточно следить, чтобы никто не подавился.

Вот тут, дорогие мои, и надо было развернуться и уйти. Но у меня ипотека, кот Станиславский с диетическим кормом по цене чёрной икры и лучший в городе контракт. Поэтому я улыбнулась своей фирменной улыбкой — той, после которой звукорежиссёры проверяют, не сторел ли пульт, — и сказала:

— Договорились, Марк. Вы следите, чтобы никто не подавился. А я прослежу, чтобы вы не подавились первым.

К обеду мы записали четыре страницы из сорока.

Четыре. Страницы.

— Стоп, — в шестнадцатый раз сказал талбэк голосом Багрянцева. — Кира, что это было?

— Это была нежность. Сцена так и называется — «нежность в оранжерее», если вы вдруг не дочитали.

— Это была не нежность. Это было мурлыканье. Героиня прощается с человеком, которого любит. Ей больно. Уберите сироп, оставьте боль.

— О-о, — я оперлась на пюпитр и посмотрела через стекло. — А вы у нас, значит, специалист по боли?

Пауза была секунды на две длиннее, чем положено.

— Дубль семнадцать, — ровно сказал он.

И я прочитала. Со злости — так, как он просил: без сиропа, на выдохе, там, где героиня говорит «иди», а слышится «останься». В аппаратной стало очень тихо. Лика замерла с занесённой над клавиатурой рукой. Багрянцев сидел, глядя не на монитор — на меня, и у него было странное лицо. Как будто ему наступили на что-то, что болит уже давно.

— Оставляем, — сказал он наконец. И добавил тише, почти не в микрофон: — Вот именно так она это и писала.

Я хотела спросить: «Откуда вы знаете, как она это писала?»

Но тут распахнулась дверь, влетел Гоша из маркетинга с криком: «Ребята, у нас ЧП, Верницкий выкатил новое видео — он объявил охоту на Еву Морозову!» — и вопрос так и остался у меня под языком.

А зря.

Потому что если бы я задала его тогда, в понедельник, — возможно, всё, что случилось потом, случилось бы по-другому.

Хотя кого я обманываю. Я бы всё равно влюбилась в этого невыносимого человека.

Просто, может быть, успела бы сначала пристегнуться.

Глава 2. Правило номер один

Марк

У автора, пишущего под чужим именем, есть три правила.

Правило третье: никогда не спорь в комментариях под собственной книгой. Даже если читательница с ником «КошечкаВалерия» утверждает, что «мужчина так никогда бы не сказал». Особенно если она права.

Правило второе: никогда не храни черновики там, куда дотягивается чужой вай-фай.

И правило первое, главное, высеченное на подкорке: никогда — слышишь, Багрянцев, никогда — не смотри, как твой текст читают вслух.

Я продержался четыре года. И нарушил его в первый же рабочий день, на семнадцатом дубле, когда Кира Соловьёва прочитала сцену прощания в оранжерее так, что у меня остановилось дыхание.

Дело вот в чём. Эту сцену я писал два года назад, в марте, ночью, когда позвонила мать Евы и попросила забрать коробку её вещей — «а то стоит в коридоре, и я об неё всё время... спотыкаюсь». Она сказала «спотыкаюсь» с той же интонацией, с какой люди говорят «умираю». Я приехал, забрал коробку, поставил у себя в коридоре и следующие шесть часов писал, как героиня говорит «иди» человеку, которому хочет сказать «останься».

С тех пор эту сцену читали вслух три чтицы на пробах. Все три читали «нежность». Красиво, профессионально, с придыханием. Мимо.

А эта — с капучино, ипотекой в глазах и языком как бритва — прочитала «боль». С первой попытки. То есть с семнадцатой, но первые шестнадцать она со мной воевала, а это не считается.

«Вот именно так она это и писала», — сказал я в талбэк и тут же прикусил язык. *Она*. Писала. Идиот. Скажи ещё «мы с Евой».

К счастью, в аппаратную в этот момент влетел маркетолог Гоша — существо в худи цвета паники — и заорал про Верницкого.

Про Верницкого стоит объяснить.

Стас Верницкий — блогер-«разоблачитель» с двумя миллионами подписчиков и одной моралью на всех: чужая тайна — это его контент. Год назад он вычислил автора детективов «Марина Стриж» — ею оказался сорокалетний учитель ОБЖ из Тюмени. Учителя уволили. Верницкий собрал десять миллионов просмотров и вышел на новую цель.

На экране гошиного телефона он выглядел как всегда: белые зубы, чёрный фон, заголовков капслоком. «ЕВА МОРОЗОВА: ЖЕНЩИНА, КОТОРОЙ НЕТ. Я найду её за 90 дней. Подпишись».

— Девяносто дней, — повторил Гоша трагическим шёпотом. — Он уже разобрал по косточкам «Осколки нежности». Говорит, военные сцены во второй части написаны «с недо-ступной гражданскому автору достоверностью». Говорит, будет копать.

Копай, Стас. Копай.

— Бред, — сказал я вслух ровным редакторским голосом. — Морозова наверняка просто наняла консультанта. Все так делают.

— Вот! — Гоша ткнул в меня пальцем с энтузиазмом утопающего. — Вот это и надо озвучить! Марк, вы же теперь ведёте проект, свяжитесь с ней, пусть даст хоть какой-то комментарий, хоть строчку, мы потушим...

— Ева Морозова не даёт комментариев, — сказал я. — Никогда и никому. В этом её бренд. Начнём оправдываться — подтвердим, что есть что скрывать.

— А если он её найдёт?

— Не найдёт.

Я сказал это слишком быстро. И слишком спокойно. И почувствовал на себе взгляд — из студии, через стекло. Соловьёва стояла у микрофона, наушники сдвинуты на шею, и смотрела на меня с выражением кота, который ещё не понял, что именно упало на кухне, но уже знает, что это было интересное.

— Продолжаем запись, — сказал я в талбэк. — Страница сорок два.

Она не двинулась.

— Марк, а можно личный вопрос?

— Нельзя.

— Вы сказали «в этом её бренд». Откуда редактор, который на проекте первый день, знает, в чём бренд Морозовой?

— Оттуда, что я готовился к проекту. Читал документы. Страница сорок два, Кира.

— Угу. — Она неторопливо надела наушники. Улыбнулась мне через стекло — медленно, как дуэлянт, поднимающий пистолет. — Готовился он.

Вечером я сидел в пустой аппаратной и переслушивал семнадцатый дубль. Четыре раза. Потом поймал себя на пятом и выключил.

Вот что я вам скажу про голоса. Внешность врёт. Слова врут постоянно — я двенадцать лет зарабатывал словами и знаю их подлую породу. А голос не умеет. Голос — это рентген. Когда Соловьёва читает моих героинь, она подсвечивает в них всё, что я прятал: где я писал про вымышленную Алину, а где — про настоящую Еву. Где литература, а где коробка в коридоре, которую я так и не разобрал.

Девяносто дней, значит.

За девяносто дней нужно дописать финал «Осколков», закончить запись, пережить книжный фестиваль — и не подпустить Верницкого к правде. План несложный. При одном условии: держаться от студии подальше. Присылать правки письменно. Не смотреть, как она читает. Не слушать дубли по пять раз. Не думать о том, как она сегодня сказала «готовился он» — с этой своей интонацией, от которой хочется одновременно уволить её и...

Телефон завибрировал. Сообщение с незнакомого номера.

«Добрый вечер, Марк. Стас Верницкий. Говорят, вы теперь главный по Еве Морозовой. Дадите интервью? Обещаю: вопросы будут только о ней. Хотя, если честно, у меня уже есть один вопрос о вас».

Я смотрел на экран и слушал, как в висках знакомо, по-военному, стучит пульс.

Девяносто дней. Что ж.

Отсчёт пошёл.

Глава 3. Метаданные и валерьянка

Кира

У Станиславского аллергия. У меня бессонница. Ветеринар сказал, что это не связано, но я не верю: мы с котом всегда болеем солидарно.

В три часа ночи мы сидели на кухне вдвоём — он с антигистаминным в папашке, я с ромашковым чаем, в который очень хотелось добавить что-нибудь покрепче ромашки, — и я в четвёртый раз перечитывала письмо от Багрянцева.

Нет, вы не подумайте. Не любовное. До любовных писем этому человеку — как мне до Бродвея.

Это были правки. Одиннадцать страниц правок к завтрашней записи, присланные в 23:47 с пометкой «срочно». Стил — телеграмма из военкомата: «Стр. 118, реплика Алины: убрать восходящую интонацию. Стр. 121: пауза после "никогда" — длиннее. Стр. 124: слово "любимый" не выделять. Оно и так выделено. Автором».

«Оно и так выделено. Автором».

Я отхлебнула чай и посмотрела на Станиславского.

— Стас, вот скажи мне как кот коту. Откуда редактор знает, что выделил автор, если в рукописи на этом слове нет ни курсива, ни капслова? Я проверила.

Станиславский чихнул. Я решила считать это за «копай глубже».

И я бы, может, не копала — мало ли, редакторская вкусовщина, — если бы не вложение. К письму был прикреплен обновлённый файл сценария последней части. Называется — внимание — «Осколки_финал_ЕМ_черновик_НЕ_ОТПРАВЛЯТЬ.docx».

Тут надо знать две вещи.

Вещь первая: рукопись «Осколков нежности» издательство получило от Морозовой полтора месяца назад. Целиком. Я сама видела письмо от литагента.

Вещь вторая: я — дочь бухгалтера. Когда другие дети учили стишки, я учила, что у каждого документа есть свойства файла и врать они не умеют. Правой кнопкой, «сведения». Автоматически, как перекреститься.

Создан: вчера, 22:15.

Автор: МВ.

Общее время редактирования: шесть часов сорок минут.

МВ.

Ева Морозова полтора месяца как сдала книгу. А финал, судя по файлу, дописывался вчера ночью. Шесть часов сорок минут. Человеком с инициалами МВ.

Ну, например... Маргарита Бузова. Мария Белова. Мировая Библиотека.

Марк Багрянцев.

— Это ничего не значит, — сообщила я коту. — Редакторы правят файлы. Это их работа. Шесть часов сорок минут правок в ночь перед записью — абсолютно нормальное поведение психически здорового челове...

Я осеклась, потому что вспомнила.

«Вот именно так она это и писала».

Не «так это задумано». Не «так надо по тексту». Она писала. С интонацией человека, который стоял у неё за плечом. Или сидел вместо неё.

А ещё — фестиваль два года назад. Я тогда вела автограф-сессию «голоса Евы Морозовой», и одна фанатка спросила, почему во всех книгах Морозовой героини, прощаясь, никогда не говорят «прощай», а всегда — «до связи». Я ещё пошутила: наверное, у Евы кто-то был связистом. Зал посмеялся.

«До связи» — так заканчиваются письма Багрянцева. Все одиннадцать, что он мне прислал за неделю.

Я открыла ноутбук — Станиславский протестующе мякнул, у него на клавиатуре спальное место, — и вбила в поиск: «Марк Багрянцев журналист».

Поиск выдал немного, но достаточно. Военный корреспондент. Двенадцать лет в горячих точках. Премия за цикл репортажей. Последняя публикация — четыре года назад: короткая заметка «Редакция скорбит»: при обстреле погибла его коллега, продюсер съёмочной группы.

Я прочитала имя коллеги, и у меня по спине прошёл холод — сверху вниз, медленно, как титры.

Ева.

Четыре года назад Марк Багрянцев перестал писать репортажи. Четыре года назад вышел первый роман Евы Морозовой. Я даже помню месяц — я тогда записывала пробы.

— Стас, — сказала я тихо. — Кажется, я знаю, кто такая Ева Морозова.

Кот посмотрел на меня жёлтыми глазами древнего существа, которому давно всё известно, и накрыл нос хвостом.

И вот тут мне стало по-настоящему страшно. Не потому, что тайна. А потому, что я вспомнила все книги Морозовой разом — все сцены, где герои не успевают сказать главное, все финалы, где всё заканчивается хорошо, все эти «до связи» вместо «прощай», — и поняла, что четыре года подряд я читала вслух не дамские романы.

Я читала вслух чьё-то горе, переписанное набело. Со счастливым концом. Потому что в жизни счастливого конца не досталось.

Завтра в десять утра я войду в студию. За стеклом будет сидеть человек, который считает — пусть все считают, — что пишет «жвачку». И я должна буду читать ему вслух его собственные слова и делать вид, что ничего не знаю.

Я, которая заваливает любой покер, потому что у меня, цитирую Лику, «лицо с субтитрами».

— Всё просто, — сказала я коту, выключая ноутбук. — Никаких изменений. Веду себя как обычно. Издеваюсь, пикируюсь, довожу до белого каления. Он ничего не заметит.

План был отличный.

Он продержался до 10:04 утра.

Глава 4. Женщина, которой нет

Кира

В 10:04 дверь аппаратной открылась, и Багрянцев вошёл не один.

С ним была женщина лет шестидесяти — серебряная стрижка, серый костюм, спина балерины на пенсии. Из тех женщин, рядом с которыми хочется выпрямиться и извиниться за всё заранее.

— Кира, знакомьтесь. Вера Андреевна, литературный агент Евы Морозовой.

Так. Спокойно.

Значит, литагент. Литагент автора, которого не существует. Стоит передо мной. С рукой, протянутой для рукопожатия. И я должна эту руку пожать — я, человек, который вчера в три часа ночи выяснил на пару с котом-аллергиком, что Ева Морозова четыре года как погибла под обстрелом, а её романы пишет вот этот замороженный тип в белой рубашке.

— Очень приятно, — сказала я. Голосом. Своим. Профессиональным. Горжусь им до сих пор.

— Взаимно. — Рука у неё была сухая и тёплая. — Так вот вы какая. Ева говорит, что вы — лучшее, что случилось с её книгами.

Ева говорит. Настоящее время. Я почувствовала, как моё лицо запускает субтитры, и срочно сделала вид, что поправляю наушники.

— Передавайте Еве, что она мне льстит. Пусть приходит послушать запись живьём.

Пауза была микроскопическая. Миллисекунды две. Но я четыре года работаю со звуком — я слышу паузы, которых нет.

— Ева не выходит к людям, — ровно сказала Вера Андреевна. — Вы же знаете.

— Знаю, — сказала я. — Простите. Глупая шутка.

Багрянцев смотрел на меня, сузив глаза, как звукорежиссёр на пик в лимитере: перегруз, но где?

Дальше был инструктаж. В связи с «активностью известного блогера» — новые правила: рабочие файлы не покидают студию, облако с двухфакторкой, посторонним вход запрещён, интервью не давать, в соцсетях про проект не писать. Лика скорбно кивала: для неё «не писать в соцсетях» — как для меня «не есть после шести», теория без практики.

А потом Вера Андреевна попросила разрешения послушать запись.

Я читала сцену из середины: героиня разбирает вещи погибшей сестры и находит билет на концерт, на который они так и не сходили. Обычная сцена. Проходная. На восьмой строчке я подняла глаза и увидела через стекло, как Вера Андреевна плачет — беззвучно, не меняя балетной осанки, просто по лицу идёт вода, а Багрянцев держит её за руку. Не как редактор литагента, на минуточку. Как сын — мать.

Голос у меня не дрогнул. Голос у меня вообще отдельный сотрудник, ему можно доверить смену.

Но внутри всё встало на места с тихим щелчком. Вера Андреевна. Мать Евы. Женщина, которая читает соболезнования в виде романов со счастливым концом — по одному в год, четыре года подряд.

Уходя, она попросила проводить её до лифта. Мы шли молча. В лифте она посмотрела на меня в зеркало — не на меня, а на отражение, так безопаснее — и сказала:

— У вас поразительная профессиональная выдержка, Кира.

— Спасибо.

— Я это к тому, что субтитры у вас всё-таки идут. — Она едва заметно улыбнулась. — Мелким шрифтом, но идут. Вы ведь уже всё поняли. Да?

Лифт ехал с шестого этажа на первый. Четырнадцать секунд. Я успела прожить все четырнадцать.

— Да, — сказала я.

Двери открылись.

— Хорошо, — сказала Вера Андреевна, выходя. — Значит, теперь нас трое. Не сделайте так, чтобы стало четверо. Особенно... — она надела перчатку, — особенно берегите это от него самого. Он не переживёт, если узнает, что вы знаете. Он ещё не дописал.

— Не дописал книгу?

— Книгу он допишет. — Она посмотрела на меня, и я увидела, от кого у «Евы Морозовой» её фирменные финалы. — Себя он ещё не дописал. До связи, Кира.

И ушла. А я осталась стоять в холле с новым знанием, новым заданием и полным отсутствием инструкций.

Скрывать от него, что я знаю, что он — это она.

Отлично. Просто отлично. Давайте ещё сложнее: может, мне заодно жонглировать включёнными микрофонами?

Глава 5. Перегруз по входу

Марк

Что-то было не так с Соловьёвой.

Неделю назад она встречала мои правки как объявление войны: на «уберите восходящую интонацию» отвечала «уберите нисходящий тон», на одиннадцать страниц замечаний — двенадцатью страницами возражений, по пунктам, с сарказмом в сносках. Я, к своему ужасу, начал ждать этих писем.

А теперь — «хорошо, Марк». «Поняла, Марк». «Сделаю, Марк».

Три «хорошо» подряд. У любого другого чтеца это называлось бы профессионализмом. У Соловьёвой это называлось «симптом».

Есть и вторая странность. Она перестала издеваться над текстом. Раньше в её читке жило ехидство на подкладке: «посмотрите, что пишут, а я озвучивай». Теперь она читала... бережно. Как будто несла что-то бьющееся и знала цену. Вчера на фразе «до связи» — проходной, служебной, я её вставляю в каждый роман, как контрабанду, — у неё дрогнул голос. На четверть тона. Никто не услышал.

Я услышал.

Думать об этом было некогда, потому что Верницкий перешёл от анонсов к делу.

Ролик вышел в среду. Называлась серия скромно: «Ева Морозова. День 79». Двадцать минут хронометража, из них восемнадцать — вода и реклама носков, но две минуты стоили дорого. Он раздобыл договор — не сам договор, скриншот шапки, но и этого хватало: издательство, реквизиты литагентства «В.А. Штерн». Дальше он с ухмылкой фокусника сообщал: «Агентство «В.А. Штерн» представляет одного-единственного автора. Зарегистрировано четыре года назад. Учредитель — пенсионерка шестидесяти четырёх лет. Ищем дальше, друзья. Осталось 79 дней».

Пенсионерка шестидесяти четырёх лет. Он вышел на Веру Андреевну за одиннадцать дней.

Я позвонил ей вечером. Она выслушала и сказала спокойно:

— Марик, я тридцать лет проработала в школе. Меня блогером не напугаешь, у меня восьмые классы были.

— Я могу всё остановить. Выйти и сказать правду. Это моя тайна, вам не нужно...

— Это *наша* тайна, — отрезала она. — И прекрати говорить «выйти и сказать» с интонацией «встать под обстрел». Я слышу. Пиши финал. Ева ждёт.

Она всегда так говорит — «Ева ждёт». В настоящем времени. Первый год меня это ломало. Потом я понял: у неё с настоящим временем договор, которого мне не понять, и не мне его расторгать.

Ночью я не писал. Сидел над последней главой «Осколков» — той самой, из-за которой книга «сдана полтора месяца назад», но финал я переписываю восьмой раз, потому что герои должны попрощаться, а я не умею. Четыре года пишу романы, где все успевают сказать главное. Такой вот жанр. Такая терапия, как выражается мой несуществующий психолог.

В два часа ночи пришло сообщение. Верницкий.

«Не спится, Марк? Мне тоже. Слушайте, я тут пересматривал ваши старые репортажи. Отличная была команда. Особенно продюсер — как её звали? Что-то короткое такое, на «Е»... Вспомню — напишу. День 79, Марк. До связи».

«До связи».

Он знает мою подпись. Он читал мои письма — чьи-то пересланные письма. Значит, у него есть кто-то внутри. В издательстве или в студии.

Я налил себе воды, потому что то, что хотелось налить, я не пью уже четыре года, и стал составлять список людей с доступом к переписке.

Список получился короткий. И на третьей строчке в нём стояло: «К. Соловьёва».

Которая неделю назад внезапно стала шёлковой. Как раз когда Верницкий получил первые документы.

Я смотрел на её фамилию долго. Потом закрыл файл.

Есть вещи, в которые отказываешься верить не потому, что доказательств мало. А потому, что если это правда — значит, семнадцатый дубль тебе тоже соврал. А он не мог. Голос не умеет.

Или я просто очень хочу, чтобы не умел.

Глава 6. Ночная смена

Кира

Дедлайн — это когда издательство говорит «релиз через месяц», студия отвечает «нужно два», и все идут работать по ночам, потому что истина посередине, а посередине — ночь.

В четверг мы остались писать до утра: я, Лика и Багрянцев. В полночь Лику вызвонил сосед — у неё сработала сигнализация, и она умчалась, крикнув с порога: «Пульт не трогать, кофе Марку не давать, он и так заряженный!»

И мы остались вдвоём. Я — в студии, он — за стеклом. Между нами тридцать миллиметров звукоизоляционного стекла и одна государственная тайна.

Писали финальные сцены. Ну как финальные — те, что перед финалом, потому что сам финал «автор ещё передаст». Ага. Автор. Передаст. Через шесть часов сорок минут правок.

В три ночи у меня сел голос. Не драматически — просто устал, как батарейка на морозе. Багрянцев объявил перерыв, исчез и вернулся с кружкой. Прошёл в студию — впервые за всё время зашёл на мою территорию — и поставил кружку на пюпитр.

Молоко с мёдом. Тёплое, не горячее. Ровно такое, каким его пьют чтецы, о чём не знает никто, кроме чтецов.

— Откуда вы знаете про молоко?

— Читал, — сказал он. Своё вечное «читал». — Где-то.

Он не ушёл. Стоял, сунув руки в карманы, и разглядывал студию так, будто впервые видел: пюпитр, поролоновые пирамидки, мой позорный плед в клетку.

— Можно вопрос? — сказал он вдруг. — Почему вы ушли из театра?

Вот так. Без подготовки. В лоб.

— Гуглили меня?

— Готовился к проекту.

— Опять готовился... — Я отпила молоко, выигрывая секунды. — Забыла текст. На премьере. Стояла на сцене восемь секунд молча — знаете, сколько это, восемь секунд на сцене? Вечность и ещё две. Кто-то снял на телефон. Видео посмотрели четыреста тысяч человек. Комментарии я вам пересказывать не буду, вы редактор, у вас воображение профессиональное.

— И вы ушли туда, где текст всегда перед глазами.

Я подняла на него взгляд. Обычно люди на этом месте говорят «да ладно, с кем не бывает» или, хуже, «зато теперь у вас всё хорошо».

— Я ушла туда, где меня не видно, — сказала я. — Голос можно любить, не зная, какое у него лицо. Удобно. Безопасно. Никто не снимет на телефон.

— Знаю, — сказал он.

— Что знаете?

— Как это работает. — Он смотрел на меня, и у него было то самое лицо из первого дня — человека, которому наступили туда, где давно болит. — Когда тебя любят за то, что ты делаешь, но не знают, что это ты. Сначала это спасает. Потом ты понимаешь, что заперся изнутри и дверь открывается только... — он осёкся. На полуслове. Профессионально так осёкся, почти незаметно. — Поздно. Четвёртый час. Допивайте, и по домам.

Он забрал пустую кружку и пошёл к двери. И вот тут я — клянусь, я не собиралась, это всё молоко с мёдом и четыре часа утра — сказала ему в спину:

— Марк. А какая она? Ева?

Он остановился. Спина ко мне. Плечи у него сделались как у человека, которому в спину не вопрос прилетел, а осколок.

— Почему вы спрашиваете?

— Потому что я четыре года читаю её вслух. Я знаю её лучше родной сестры — как она дышит, где она врёт, где ей больно. А я даже не знаю... — *жива ли она*, чуть не сказала я. — ...какой у неё голос.

Тишина. Длинная. В студии тишина абсолютная, специальная, за неё деньги плачены — и в этой профессиональной тишине я слышала, как он решает. Что-то большое решает, весом в четыре года.

— У неё был смех, — сказал он наконец, очень ровно. — Такой, что все оборачивались. Даже в плохие дни. Особенно в плохие.

— Был?

Пауза длиной в удар сердца.

— Есть, — сказал он. — Я оговорился. Спокойной ночи, Кира.

Дверь закрылась. Я осталась одна в лучшей акустике города, наедине с кружкой, пледом и его оговоркой.

А в аппаратной, на пульте, который Лика велела не трогать, тихо горела красная лампочка.

Запись шла всё это время.

Глава 7. Стёртая ночь

Кира

Утро после ночной смены имеет свой ритуал: приходишь к двенадцати, наливаешь кофе размером с ведро, открываешь рабочую папку и проверяешь, что ночные файлы легли на сервер.

Файлы легли. Все, кроме одного.

«Session_0317_ambient.wav» — техническая дорожка с включённого студийного микрофона. Та самая, где молоко с мёдом, мой театр, его «у неё был смех». Сорок минут разговора, который не предназначался никому.

Файла не было. Вообще. Ни в папке, ни в корзине, ни в резервной копии.

— Лика, — позвала я нежным голосом, от которого моя подруга обычно вздрагивает. — А кто ночью заходил на сервер?

— Никто. Я в 00:20 уехала, вы в пятом часу закрылись, Марк мне утром ключ-карту... — Она осеклась, глядя в монитор. — Так. Это что?

Я перегнула её плечо. В логах доступа, между «04:31 — M.Bagryantsev — logout» и «11:47 — L.Reyer — login», стояла строчка:

«04:52 — удалённый вход — устройство не опознано — скачивание 1 объект — удаление 1 объект».

Один объект. Скачали. И удалили. Через сорок минут после того, как мы ушли.

— Может, глюк? — без уверенности сказала Лика. — Или Марк с телефона подчистил, мало ли что там на дорожку попало...

— Он вышел в 04:31 со своего логина. Зачем ему возвращаться в 04:52 с «неопознанного устройства»?

— Затем, что он параноик? Кир, этот человек заставил меня заклеить камеру на ноутбуке. На *студийном* ноутбуке. Который смотрит в стену.

Логично. Успокоительно. Я почти согласилась — и тут у Гоши в маркетинговом отсеке взвыло так, что Станиславский на моей заставке, кажется, прижал уши.

Верницкий выпустил «День 74».

Мы смотрели втроём, сгрудившись у гошиного монитора. Белые зубы. Чёрный фон. И заголовок: «Я НАШЁЛ ТОГО, КТО ЗНАЕТ ЕВУ ЛИЧНО».

«Друзья, расследование выходит на финишную прямую. У меня появился источник. Человек изнутри — из ближнего круга Морозовой. Скоро вы услышите голос человека, который знает Еву лично. Не буду раскрывать деталей... скажу одно: этот голос вы все слышали. Много-много раз».

Стоп-кадр. Реклама носков.

— «Этот голос вы все слышали», — медленно повторил Гоша и повернулся ко мне вместе с креслом. Лика повернулась тоже. Даже фикус, по-моему, повернулся.

— Так, — сказала я. — Если кто-то в этой комнате думает, что я...

— Никто не думает! — слишком быстро сказала Лика.

— Все думают! У вас лица думают!

А потом я подняла глаза и увидела за стеклянной перегородкой Багрянцева. Он стоял в коридоре, и по его лицу было видно: ролик он уже посмотрел. И логи, судя по всему, тоже.

Он смотрел на меня секунды три. Потом развернулся и ушёл в переговорку, набирая кого-то на ходу.

И знаете, что самое смешное? Ночью, лёжа без сна, я репетировала, как скажу ему. Прямо так: «Марк, я знаю. Я никому не скажу. Финал за вами, а тыл за мной». У меня даже интонация была отрепетирована — та, которой читают самые важные реплики: тихо и без наигрыша.

Теперь эта реплика не годилась. Теперь любое «я знаю» звучало как явка с повинной.

Глава 8. Проверка связи

Марк

В контрразведке — настоящей, не киношной, я насмотрелся на их работу в командировках — есть скучный, как инструкция к стиральной машине, приём: хочешь найти утечку — раздай разным людям разную «правду» и смотри, какая всплывёт.

Мне понадобилось два часа, чтобы возненавидеть себя за то, что я собираюсь сделать. И десять минут, чтобы сделать.

Три письма. Три «конфиденциальные» детали о Еве Морозовой, все три — выдуманные. Гоше — что Ева согласилась на онлайн-интервью в день релиза.

Лике — что финал книги Ева решила посвятить «одному звукорежиссёру».

Кире — что Ева приедет на фестиваль. Лично. Инкогнито. В четверг.

Разошлись письма в полдень. К вечеру мне оставалось ждать, какая из трёх уток долетит до Верницкого.

Ждать я не умею. Двенадцать лет в новостях: ждёшь — проигрываешь. Поэтому я сидел в аппаратной и делал вид, что свожу правки, а на самом деле смотрел через стекло, как Соловьёва пишет эпизод из двадцать второй главы — ссору, где герой говорит: «Я не умею терять медленно. Я либо сразу, либо никогда».

Я писал эту реплику про себя. Как всегда. «Ева Морозова» — это карнавальный костюм, под которым можно выйти на площадь и прокричать всё как есть: всё равно все смотрят на костюм.

Соловьёва дочитала, сняла наушники и посмотрела на меня через стекло.

— Скажите, Марк, а вам не жалко их?

— Кого?

— Героев. Она их всё время ставит перед выбором «сразу или никогда». Хоть бы раз кому-нибудь разрешила потихоньку. По чуть-чуть. Как люди.

— Люди так не умеют.

— Люди только так и умеют. Это в книгах все идут ва-банк, потому что автору нужен третий акт. — Она намотала провод наушников на ладонь, аккуратно, кольцо к кольцу. — А в жизни человек может три года носить одну и ту же фразу в кармане и так и не сказать. И ничего. Живёт.

— И что у вас в кармане? — спросил я раньше, чем успел себя остановить.

Она посмотрела на меня долгим взглядом. Оценивающим. Как на реплику, которую можно прочесть двадцатью способами и надо выбрать один.

— Мелочь, — сказала она. — На молоко с мёдом.

В четверг всё решилось.

Верницкий выпустил экстренный ролик. «День 71. СРОЧНО. По моей информации, Ева Морозова появится на книжном фестивале «Переплёт» в эти выходные. Лично. Инкогнито. Я буду там. Мои люди будут там. Если вы работаете на фестивале — пишите мне, вознаграждение гарантирую».

Утка номер три. Кирина.

Я сидел в тёмной аппаратной и слушал, как в висках стучит знакомый военный пульс. Вот и всё. Вот и ответ. Логика замкнулась, список из трёх строчек сократился до одной, дело закрыто.

Только одна деталь не сходилась. Мелкая, как заусенец, и такая же неотвязная.

Файл ночной записи стёрли в 04:52 — я проверял логи десять раз. А Кира в 04:52 стояла на парковке и ждала такси. Я знаю, потому что смотрел в окно переговоров, как она ждёт.

Одиннадцать минут. Под козырьком, в моём... в студийном пледе, накинутом на плечи, с кружкой, которую так и не вернула на кухню.

Человек, сливающий записи, не забывает их сначала скачать себе. А этот файл скачали с устройства, которое системный администратор опознать не смог, — «но точно не телефон, скорее ноутбук со спуфингом адреса».

У Киры ноутбук две тысячи двенадцатого года. Она называет его «Барсик» и хлопает по крышке, чтобы заработал вай-фай.

Значит, либо она гениальная актриса.

Либо утка долетела до Верницкого не напрямую. Либо в моём коротком списке не хватает строчки — и кто-то очень хочет, чтобы я смотрел на Соловьёву и не смотрел куда-то ещё.

Я открыл ежедневник и написал две строки.

Первая: «Фестиваль. Не отходить от К.»

Вторая, после паузы: «Спросить у РА, кто ещё имел доступ к договору Штерн».

РА — Регина Альбертовна, директор издательства. Единственный человек в здании, знающий правду. Человек, который четыре года назад сказал мне: «Пиши под женским именем, Марк. Так надёжнее спрячешься». И который подписывал договор, чей скриншот теперь гуляет по интернету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.